

А.И. Илиади (Кировоград)

НЕСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА В ГИДРОНИМИИ ДОНА: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Статья посвящена этимологическому анализу нескольких восточнославянских гидронимов, предположительно, имеющих иранское происхождение, что согласуется с известными лингвистическими выводами об иранском наследии в некоторых гидронимических ареалах России и Украины. Для каждого из анализируемых названий с разной степенью вероятности восстанавливается отраженная в нем архаичная восточноиранская форма, озаглавливающая соответствующий этимологический этюд. В частности, предлагается сармато-аланское происхождение для Богана, Багана = *bag-āna, Каркагон = *karka-xan-/ *karka-kan-, Марефа = *marāf, Сура = *sūra, Богучар = *vahu-čar, Воргол = *vargal-.

Ключевые слова: этимология, дериват, ареал, рефлекс, гидроним.

Топонимия восточной части Славии – очень сложный объект лингвистического анализа. Как показывают исследования последнего столетия, начиная с «Русско-скифских этюдов» А.И. Соболевского и заканчивая трудами Е.С.Отина, причина подобной сложности кроется во многослойности топонимической лексики восточнославянского ареала, т. к. каждый выделенный в ней хронологический стратум является живым свидетельством освоения этой территории носителями самых разных языков (индоевропейских и неиндоевропейских) в разное время. Одна языковая традиция сменяет другую не сразу: часто этому предшествует период

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

взаимодействия этносов, освоения пришлым народом топонимического наследия предшественников, что порождает существование нескольких, принадлежащих разным языкам, названий одного и того же объекта или же приводит к адаптации субстрата в духе народной этимологии, т. е. «подстраивания» облика чужих, непонятных топонимов под структуру лексики родного языка, если между ними есть формальное сходство. Ситуация оказывается еще более сложной, если пришлое население усваивает топонимию не из речи создавшего ее этноса, а через посредничество иного народа, т. е. уже измененной, как это было в ряде случаев наследования славянами иранской топонимии через тюркское посредство. В таких случаях названия несут в себе следы последовательного переосмысления в рамках различных языковых культур и разного исторического опыта, потому задача выявить оригинальную форму, стоящую в самом начале хронологической цепочки «приложения языковых усилий», является трудной в такой же степени, как интересной. Ниже приведено несколько попыток выявления «оригинальных» неславянских лексем, сохранившихся в гидронимии Дона со времен присутствия в его бассейне сармато-аланского населения, которое позже сменилось тюркским и славянским.

*bag-āna (?)

Богана (Богая), 1678 г., совр. *Багана, Вагана* – л. Приток речки Баклуша [6: I, с. 313]. Может быть, словообразовательное развитие основы иран. **bag-* ‘раскалывать, расщеплять’, а применительно к системе мотивирующих признаков в гидронимии – место, где поток или река разделяются на рукава. Едва ли сюда же деснянское *Вагán, -á*, (река, л. Смячи п. Снови п. Десны л. Днепра в Городнянском р-не Черниговской обл. [8, с. 80]) ввиду отсутствия варианта с начальным *Б-*, а также из-за вероятной принадлежности этого названия к балтийскому гидронимическому слою, ср. др.-прус. *Waghine* – озеро, лит. *vaga* ‘борозда’, лтш. *vaga* ‘то же’, на которые генетически сориентирован формально близкий гидроним бассейна Десны *Вага* [9, с. 178].

*karka-xan-/*karka-kan-

Названия гидрообъектов в бассейне Верхнего Дона *Каркагон*, 1793 г., *Мокрый Каркагон* (речка, 1822-32 гг.), *Сухой Каркагон*, 1852 г. (притоки Паншинки) [6: II, с. 7–8] в литературе относят к славянской лексике, объясняя их как рефлексы псл. **kьrkogonь* с первой частью **kьrk-* ~ и.-е. **(s)ker-* ‘крутить’, ‘резать’ [4, с. 206], второй компонент сложения не комментируется. Не сомневаясь в возможности развития **ь > a* внутри формулы *тыт* в донских говорах (ср., напр., дон. *карча́* ‘коряга’ < **kьrĉa*; [15: 13, с. 211]) и соглашаясь с констатацией формального сходства *Карк-* в *Каркагон* и псл. **kьrk-*, все же усомнимся в такой славянской этимологии указанных гидронимов, которая предлагает восстановить псл. композиту с неясной логикой объединения частей.

Более правдоподобным кажется объяснение *Каркагон* как иранского названия, окончательно адаптированного в русской речи при помощи дифференциаторов *мокрый*, *сухой*. Имеется в виду среднеиранская форма **karka-xan-* или **karka-kan-*, образованная продолжениями иран. **k̄rka-*, **kurka-* ‘петух; курица’ (: ср.-перс. *kark* ‘цыпленок, курица’, осет. *kark* ‘курица’) и **kan-/*xan-* ‘источник, родник’ (: ср.-перс. *xān* ‘источник, родник; бассейн’, парф. *x'n* [*xān*] ‘источник, колодец’, ст.-вандж. *kain* ‘источник, родник’) [7: 4, с. 398, 399, 215]. Т. е. перед нами иноязычное название «куриного» источника, родника, колодца, чему достаточно подтверждений в генетически и типологически близкой славянской гидронимии Дона, ср. укр. *Курячий Яр́ок* – яр, п. Боровой л. Северского Донца п. Дона, *Куряча (Куриная)* – л. Белой п. Лугани п. Северского Донца п. Дона [8, с. 304, 305], а также собственно иранские географические названия, такие как осет. *Кæрчыты хæрæн* «Куропаток солончак» (*кæрчыты* – род. п. мн. ч. < *карк* ‘курица’, ‘куропатка’) и *Кæрчыты адагтæ* «Куропаток овраги» со вторым компонентом *адагтæ* – им.п. мн.ч. от *адаг* ‘овраг’ [12, с. 264, 587]. Современная форма гидронима несет отпечаток народноэтимологического переосмысления второго компонента (в связи с *гонити*, *гнати*?), что, в общем, характерно для славянской адаптации иранских гидронимов-композит с постпозитивным **kan-/*xan-*, ср. укр. *Самоткан/Самоткань*

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

< иран. **asma-xan-*, *Домоткан/Домоткань* < иран. **danu-xan-*/**danava-xan-* [10, с. 207].

Остроумное объяснение Е. С. Отиным гидронима *Каркагон* как 'место, где скопилось много затонувших – *тѹплых* или поваленных бурей деревьев (карчушек, *буреломинка*)' (ср. *кѹрка*, *кѹрша*, *карчѹ* 'коряга' и *гонѹбить* 'копить, собирать (что-либо в одно место)') [6: II, с. 7] несколько не снижает вероятность иранской этимологии, т. к. убедительно показывает возможный вектор осмысления чужой лексемы в славянском употреблении через связи, установившиеся между ней и фонетически близкими русскими диалектизмами.

*marāf

Укр. *Марєфа*, 1639 г. («по *Марєфе* до *Муравского шляху*»), *Мєрєфа*, 1785 г. (Харьковское наместничество), *Марєхва*, 1668 г. («оть ... *Мурафы* внизь до ... *Марєхвы*»), *Мѣрєфья*, 1760 г., *Мєрєхва*, 1779 г., совр. *Мєрєфа* – река, п. Можга п. Северского Донца п. Дона [8, с. 360; 5, с. 95]. Эти формы, по нашему мнению, воспроизводят искаженную сарм. лексему *mar-āf – сложение **mar-* (ср. хс. *tara* 'смерть, мор' < **tara-* 'умирание') & **āf-* (< **āp-*) 'вода', т. е. 'мертвая вода', 'мертвовод', ср. перс. *mord-āb* 'стоячая (букв. 'мертвая') вода, пруд', 'топь, болото' < **mṛ-tá-* 'умерший, мертвый' [7: 5, с. 210, 213], а также славянскую аналогию в укр. *Мєрєвѹд*, -*ѹду* (*Мєрєвовѹдъ*, 1697 г.) – река, левый приток Южного Буга [8, с. 360]. К изменению *p > f* в сарм.-алан. рефлексе иран. **āp-* ср. осет. *Ирѹф* – река (один из левых притоков Терека на территории Дигорского ущелья) «Ирѹф», «Ирская река», «Осетинская река», т. е. *ир* 'осетины' + название воды *ѹф* из *ап* (с ослаблением гласного в композите) [11, с. 309].

Звукокомплекс *xv* на месте этимологического *ф* в некоторых формах отражает его замену в славянской диалектной речи (в тех говорах, где *ф* поначалу отсутствовало в системе консонантизма), ср. укр. *Хвєдїр* наряду с *Фєдїр*, *хвїртка* 'небольшие двери в заборе или воротах' и *фїртка* и под. Флексия -*а* здесь возникла для согласования гидронима с аппеллативом *река*.

*sūra

Мокрая Сура – п. п. Днепра, *Камышеватая Сура* – п. п. Мокрой Суры, *Сухая Сура* – л. п. Мокрой Суры, которые наряду с названием левого притока Днепра *Сула* были обоснованно квалифицированы как варианты формы, отражающие лексему типа младоавестийского *sūra*- ‘дыра, нора’ (также как название гидрообъекта) [10, с. 138–139, 159]. Возможно, география этих названий шире, ср. распространение фонетически близких лексем в ареале донской гидронимии: *Сур* – л. овр. Коновалов в бас. Речки Терсы п. Медвецы п. Дона, *Сура*, *Сурь* – ручей, пр. речки Непрядвы п. Дона [6: I, с. 27, 409]. По чисто формальным признакам сюда же ст.-рус. *Сура*, XVII в. – река в Московском царстве («А по *Суре* хлѣб да сся купит і купя бы сплавит до Чебаѣарь») [3, с. 48].

*vahu-čar (> *βahu-čar/*bahu-čar)

Богучар (*Боучар*, *Бугочар*, *Бугочары*, *Богучарь*, *Боючар*, *Богучарка*) – река, п. Дона, *Правая Богучар* – приток Дона, ср. город *Богучар*, *Богучаров* [6: I, с. 231, 232]. По поводу формы *Богучар* О. Н. Трубачев отмечал ее явную близость к речному названию др.-рус. **Богъ**, совр. *Бог* и предлагал видеть в *-чар* иран. *čar- ‘двигаться’ с общим выводом о приемлемости иранской этимологии [10, с. 183]. Поддерживая этот вывод в целом и в некоторых частностях (ср. авест. *čara*- ‘движущийся, передвигающийся’ [7: 2, с. 229]), позволим себе усомниться в отождествлении первой части сложения с гидронимом **Богъ**, *Бог*. Обратим внимание на то, что структура всех известных вариантов *Богучар* последовательно демонстрирует исход *-у* в первой части (иногда с перестановкой: *-о* вместо *-у* при *у* на месте корневого *о*), который, видимо, передает этимологическое **-u*, невозможное в иран. *baga-. Потому при отсутствии иных, более аргументированных этимологий, кажется, имеются формальные основания видеть в *Богучар* рефлекс скиф., сарм. лексемы *vahu-čar ‘хороший поток’, ‘хорошее течение’, чей анлаут развивался в направлении *u- > *w- > *β- > *b*- (подобная перестройка этимологического анлаута наблюдается в истории осетинского языка, см.: [14, с. 189]). Дальнейшая история позднего *βahu-čar/*bahu-čar; вероятно, действительно связана с названием др.-рус. **Богъ** в

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

том смысле, что рассматриваемое слово было перестроено в славянской речи из-за сближения со структурой донских водных названий с основой *Бог-*, откуда, собственно, *г* вместо *х*.

*varg-al-

Ворго́л, *-у* – название реки в бассейне Десны (л. Клевени п. Сейма л. Десны л. Днепра), имеющее древнюю письменную историю, начинающуюся с упоминания под 1183–1184 гг. формы **Ворогль** и далее – **Ворголь**, 1283 г., *Воргла*, *Ворговь*, 1856 г., *Варговь*, *Wolhol*, XX в. [8, с. 121]. В классическом исследовании О. Н. Трубочева и В. Н. Топорова справедливо отождествляется со структурно близким названием реки в бассейне Дона *Варгол/Варголь*, вместе с которым относится к мордовским элементам в местной гидронимии, ср. к первой части др.-морд. **vur-*, совр. *vír* ‘лес’, а ко второй (гипотетически) морд. (эрзя) *kolǵems* ‘течь, сочиться; протекать’, т. е. *Варгол* как ‘лесной поток’ [9, с. 223]. Существует и славянская этимология донского названия *Варгол* как псл. **vǝrg-olъ* [13, с. 182–187], маловероятная как ввиду недостаточной апеллативной опоры для восстановления указанного прототипа, так и вследствие недоказанности родства большинства привлекаемых для анализа форм между собой.

Однако присутствие в ареале гидронимии бассейнов Дона и Десны иранских языковых реликтов указывает еще один путь истолкования *Варгол/Варгол*: речь идет об отражении в приведенных формах позднего сарм. сложения **varg-al-* с **varga-* ‘волк’ (ср. скиф. *varg-adak*, осет. *Wærgon* [2, с. 308]) в первой части, во второй же части угадывается рефлекс иран. **haria-* ‘течение’ < **har-* ‘передвигаться, идти, течь’ [7: 3, с. 369–371] с обычной (для древних аланских диалектов) утратой этимологического *h-* в анлауте, как в осет. *aly*, *ally* | *ali*, *alli* ‘всякое, всякий’ < **harva-* [1: I, с. 48, а также 187], и переходом *ri* > *l*. Впрочем, для **varg-al-* возможно первичное **varg-ar-* (с **ar-* < **hara-*), тогда перебой конечного *-r* > *-l* – это результат диссимилиации плавных *r – r* > *r – l*, аналогичный осет. *xærz-kūr* > *xærz-gūl* [1: I, с. 493]. Изначально, вероятно, ‘волчья река, вода’, ‘волчий поток’ или, если за **varg-* < **vagr-* стоит вариант к осет. *-ūrg* | *-orq*, авест. *uyra-* ‘мощный’ [1: I, с. 112–113], стоит предполагать ‘сильный поток’.

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР ; Наука, 1958–1989. – Т. I–IV.
2. Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания : древнеиранские языки. – М. : Наука, 1979. – С. 272–364.
3. Грамотки XVII – начала XVIII века / [изд. подг. Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова и др. ; под ред. С. И. Коткова]. – М. : Наука, 1969.
4. Козлова Р.М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. – Гомель : БелГУТ, 1997.
5. Описи Харківського намісництва кінця XVIII ст.: Описово-статистичні джерела / [упоряд. В. О. Пірко, О. І. Гуржій]. – Київ : Наук. думка, 1991.
6. Отин Е.С. Гидронимия Дона. – Донецк : Юго-Восток, Лтд, 2008–2012. – Т. 1–2.
7. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. – М. : Вост. литература, 2000–2015. – Т. 1–5.
8. Словник гідронімів України / [ред. кол. К.К. Цілуйко, А.П. Непокупний, О.С. Стрижак]. – К. : Наук. думка, 1979.
9. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М. : Изд-во АН СССР, 1962.
10. Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. – М. : Наука, 1968.
11. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. – Орджоникидзе : Ир, 1975. – Ч. II (Словарь географических названий).
12. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. – Владикавказ : Ир, 2010.
13. Шульгач В.П. Заметки по донской гидронимии: *Варгол* // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк : Донеччина, 1998. – С. 182–187.
14. Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Фонология. – М. : Наука, 1986.
15. Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / [под ред. О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева]. – М. : Наука, 1974–2014. – Вып. 1–39.